

Владимир Семенович

ВЫСОЦКИЙ

собрание сочинений

ТОМ 3

Владимир Семенович Высоцкий
Собрание сочинений в
четырёх томах. Том 3.
Песни. Стихотворения
Серия «Список школьной
литературы 7-8 класс»

Текст предоставлен изд-вом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180482

Собрание сочинений в четырёх томах. Том 3: Время; Москва; 2008

ISBN 978-5-9691-0907-0

Аннотация

"25 января 2008 года Высоцкому, спорить о котором не прекращают и по сей день, исполнилось бы 70 лет. Это издание – первое собрание, сделанное не «фанатами», но квалифицированными литературоведами (составители – Владимир и Ольга Новиковы): все тексты являются выверенными и снабжены комментариями. «Собрания сочинений бывают у многих авторов, но не всегда количество переходит в качество. Только в счастливых случаях произведения одного автора образуют своего рода библию („библии“ по-греч. – „книги“). В случае с Высоцким это получилось. Мы еще не раз откроем

его четырехтомник, чтобы искать ответы на вопросы третьего тысячелетия». **[b]Вл. Новиков [b][b][b]**

Содержание

СТИХОТВОРЕНИЯ

5

Конец ознакомительного фрагмента.

70

В. Высоцкий
Собрание сочинений в
четырёх томах. Том 3.

СТИХОТВОРЕНИЯ

**Пособие для начинающих и
законченных халтурщиков**

СОРОК ДЕВЯТЬ

*Поэма-песня в сорока девяти
днях (сокращенное издание)*

*Все началось случайно. Люди
оказались один на один с
бушующим океаном...*

I

Волна на волну находила,
И вал за валом набегал.
Зиганшин стоял у кормила
И глаз ни на миг не смыкал.

II

Стихия реветь продолжала
И Тихий шумел океан.
Асхана сменил у штурвала
Спокойный Федотов Иван.

III

Суров же ты, климат охотский, —
Уже третий день ураган.
Встает у руля сам Крючковский,
На отдых уходит Иван.

IV

Но вот ослабели пассаты,
И стала спокойней волна,
Вздохнули глубоко солдаты,
А с ними вздохнул старшина.

V

Горючее кончилось раньше,
Так мало – что есть и что пить, —
И юный, но мудрый Зиганшин
Запасы решил разделить.

*Дальше следуют много дней
умеренного, затем скудного
и наконец совсем скудного
питания. Но люди бодрь,
добры и друг на друга не
обижаются...*

XVIII

Доедена банка консервов
И суп из картошки одной, —
Все меньше здоровья и нервов,
Все больше желанье домой.

XIX

Страшнее, ужасней лишенья,
Ни лодки не видно, ни зги, —
И принято было решенье —
И начали есть сапоги.

XX

Последнюю съели картошку,
Взглянули друг другу в глаза...
Когда ел Поплавский гармошку,
Крутая скатилась слеза.

*...Голод становится невыносимым.
Культмассовая работа не ведется по причине
отсутствия муз. инструментов. Люди ослабли,
но смотрят прямо и друг друга не едят.*

XXXVII

Сердца продолжали работу,
Но реже становится стук.
Спокойный и слабый Федотов
Глодал предпоследний каблук.

XXXVIII

Вот снова муссон разыгрался,
Вот снова ревет океан.
К штурвалу едва подобрался
Все тот же Зиганшин Асхан.

XXXIX

На суше он воин заправский,

И штурман заправский он тут.
Зиганшин, Федотов, Поплавский
Под палубой песни поют.

XL

Лежали все четверо в лежку,
Ни лодки, ни крошки вокруг.
Зиганшин скрутил козью ножку
Слабевшими пальцами рук.

*Есть нечего, пить нечего, курить нечего,
но люди снова бодрь. У них второе
дыхание, потом третье, потом
четвертое... Мысли о еде приходят все
чаще, мысли не о еде – все реже. Но все
время – мысль о доме, о родном
подразделении, о хлебе.*

XLVI

Зиганшин крепился, держался,
Бодрил, сам был бледный, как тень,
И то, что сказать собирался,

Сказал лишь на следующий день.

XLVII

«Друзья!..» Через час: «Дорогие!..»
«Ребята! – еще через час. —
Ведь нас не сломила стихия,
Так голод ли сломит ли нас!

XLVIII

Забудем про пищу – чего там! —
А вспомним про суперфосфат...»
«Узнать бы, – стал бредить Федотов, —
А что у нас в части едят?»

XLIX

И вдруг: не мираж ли, не миф ли —
Какое-то судно идет.
К биноклю все сразу приникили,

А с судна летел вертолет.

*Далее все известно из газет: люди здоровы,
едят, пьют, отдыхают
и фотографируются вместе.*

Заключение

Окончены все переплеты —
Вновь служат, — что, взял океан? —
Поплавский, Крючковский, Федотов,
А с ними Зиганшин Асхан!

*Все отступления в прозе можно рифмовать
по принципам:*

*океан – Асхан – Иван;
картошку – гармошку – крошку – ножку;*

чаще употреблять фамилии героев;

герои должны петь и помнить о доме;

Зиганшин – старший, – его употреблять чаще.

Таким же образом могут быть написаны поэмы

*о покорителях Арктики, об экспедиции
в Антарктиде, о жилищном строительстве
и о борьбе против колониализма. Надо только
знать фамилии и иногда читать газеты.
〈1960〉*

* * *

День на редкость – тепло и не тает, —
Видно, есть у природы ресурс, —
Ну... и, как это часто бывает,
Я ложусь на лирический курс.

Сердце бьется, как будто мертвецки
Пьян я, будто по горло налит:
Просто выпил я шесть по-турецки
Черных кофе, – оно и стучит!

Пить таких не советуют доз, но —
Не советуют даже любить! —
Есть знакомый один – виртуозно
Он докажет, что можно не жить.

Нет, жить можно, жить нужно и – много:
Пить, страдать, ревновать и любить, —
Не тащиться по жизни убого —
А дышать ею, петь ее, пить!

А не то и моргнуть не успеешь —
И пора уже в ящик играть.
Загрустишь, захандришь, пожалеешь —
Но... пора уж на ладан дышать!

Надо так, чтоб когда подытожил
Все, что пройдено, – чтобы сказал:
«Ну а все же неплохо я пожил, —
Пил, любил, ревновал и страдал!»

Нет, а все же природа богаче!
День какой! Что – поэзия? – бред!
... Впрочем, я написал-то иначе
Чем хотел. Что ж, ведь я – не поэт.

«Конец 1950-х – начало 1960-х»

* * *

Если б я был физически слабым —
Я б морально устойчивым был, —
Ни за что не ходил бы по бабам,
Алкоголю б ни грамма не пил!

Если б был я физически сильным —
Я б тогда – даже думать боюсь! —

Пил бы влагу потоком обильным,
Но... по бабам – ни шагу, клянусь!

Ну а если я средних масштабов —
Что же делать мне, как же мне быть? —
Не могу игнорировать бабов,
Не могу и спиртного не пить!

«Конец 1950-х – начало 1960-х»

* * *

Про меня говорят: он, конечно, не гений, —
Да, согласен – не мною гордится наш век, —
Интегральных, и даже других, исчислений
Не понять мне – не тот у меня интеллект.

Я однажды сказал: «Океан – как бассейн», —
И меня в этом друг мой не раз упрекал —
Но ведь даже известнейший физик Эйнштейн,
Как и я, относительно все понимал.

И пишу я стихи про одежду на вате, —
И такие!.. Без лести я б вот что сказал:
Как-то раз мой покойный сосед по палате
Встал, подполз ко мне ночью и вслух зарыдал.

Я пишу обо всем: о животных, предметах,
И о людях хотел, втайне женщин любя, —
Но в редакциях так посмотрели на это,
Что – прости меня, Муза, – я бросил тебя!

Говорят, что я скучен, – да, не был я в Ницце, —
Да, в стихах я про воду и пар говорил...
Эх, погиб, жаль, дружище в запое в больнице —
Он бы вспомнил, как я его раз впечатлил!

И теперь я проснулся от длительной спячки,
От кошмарных ночей – «и» вот снова дышу, —
Я очнулся от белой-пребелой горячки —
В ожидании следующей снова пишу!

«Конец 1950-х – начало 1960-х»

* * *

Если нравится – мало?
Если влюбился – много?
Если б узнать сначала,
Если б узнать надолго!

Где ж ты, фантазия скудная,
Где ж ты, словарный запас!
Милая, нежная, чудная!..

Эх, не влюбиться бы в вас!

⟨1961⟩

* * *

Из-за гор – я не знаю, где горы те, —
Он приехал на белом верблюде,
Он ходил в задыхавшемся городе —
И его там заметили люди.

И людскую толпу бесталанную
С ее жизнью беспечной «и» зыбкой
Поразил он спокойною, странною
И такой непонятной улыбкой.

Будто знает он что-то заветное,
Будто слышал он самое вечное,
Будто видел он самое светлое,
Будто чувствовал все бесконечное.

И взбесило толпу ресторанную
С ее жизнью и прочной и зыбкой
То, что он улыбается странною
И такой непонятной улыбкой.

И герои все были развенчаны,

Оказались их мысли преступными,
Оказались красивые женщины
И холодными, и неприступными.

И взмолилась толпа бесталанная —
Эта серая масса бездушная, —
Чтоб сказал он им самое главное,
И открыл он им самое нужное.

И, забыв все отчаянья прежние,
На свое место все стало снова:
Он сказал им три са^кмые нежные
И давно позабытые ^сл^ова.

⟨1961⟩

* * *

Люди говорили морю: «До свиданья»,
Чтоб приехать вновь они могли —
В воду медь бросали, загадав желанья, —
Я ж бросал тяжелые рубли.

Может, это глупо, может быть — не нужно, —
Мне не жаль их — я ведь не Гобсек.
Ну а вдруг найдет их совершенно чуждый
По мировоззренью человек!

Он нырнет, отыщет, радоваться будет,
Удивляться первых пять минут, —
После злиться будет: «Вот ведь, — скажет, — люди!
Видно, денег куры не клюют».

Будет долго мыслить головою бычьей:
«Пятаки – понятно – это медь.
Ишь – рубли кидают, – завели обычай!
Вот бы гаду в рожу посмотреть!»

Что ж, гляди, товарищ! На, гляди, любуйся!
Только не дожدهшься, чтоб сказал —
Что я здесь оставил, как хочу вернуться,
И тем боле – что я загадал!

«1962 или 1963»

* * *

Я не пил, не воровал
Ни штанов, ни денег,
Ни по старой я не знал,
Ни по новой фене.

Запишите мне по глазу,
Если я соврал, —

Падла буду, я ни разу
Грош не своровал!

Мне сказали – торгоши
Как-то там иначе, —
На какие-то гроши
Строят себе дачи.

Ну и я решил податься
К торгошам, клянусь,
Честный я – чего бояться!
Я и не боюсь.

Начал мной ОБХС
Интересоваться, —
А в меня вселился бес —
Очень страшный, братцы:

Раз однажды я малину
Оптом запродам, —
Бес – проклятая скотина —
Половину взял!

Бес недолго всё вершил —
Всё раскрыли скоро, —
Суд – приятное решил
Сделать прокурору.

И послали по Указу —

Где всегда аврал.
Запишите мне по глазу,
Если я соврал!

Я забыл про отчий дом
И про нежность к маме,
И мой срок, как снежный ком,
Обрастал годами.

Я прошу Верховный суд —
Чтоб освободиться, —
Ведь жена и дети ждут
Своего кормильца!..

1962 или 1963

* * *

Давно я понял: жить мы не смогли бы,
И что ушла – все правильно, клянусь, —
А за поклоны к праздникам – спасибо,
И за приветы тоже не сержусь.

А зря заботишься, хотя и пишешь – муж, но,
Как видно, он тебя не балует грошом, —
Так что, скажу за яблоки – не нужно,
А вот за курево и водку – хорошо.

Ты не пиши мне про березы, вербы —
Прошу Христом, не то я враз усну, —
Ведь здесь растут такие, Маша, кедры,
Что вовсе не скучаю за сосну!

Ты пишешь мне про кинофильм «Дорога»
И что народу – тыщами у касс, —
Но ты учти – людей здесь тоже много
И что кино бывает и у нас.

Ну в общем ладно – надзиратель злится,
И я кончаю, – ну всего, бывай!
Твой бывший муж, твой бывший кровопийца.
... А знаешь, Маша, знаешь, – приезжай!

1964

* * *

Я теперь на девок крепкий,
И теперь одною меткой
Я всех баб равняю как одну:
Пусть у ней во лбу семь пядей,
Пусть при полном при параде, —
Встречу бабу – в сторону сверну.

Был я раньше тоже хлипкий —
Провожал я их улыбкой,
Даже, помню, год с одною жил, —
А теперь пройду не глядя —
Мне плевать, что ейный дядя
Раньше где-то в органах служил.

Баб держу я в черном теле,
А чтоб лечь в одну постелю —
Этим меня можно насмешить, —
Даже если умоляет,
Даже в экстренном случае —
Очень меня трудно уложить!

Почему с таким напором
Я воюю с женским полом:
Изучил я их как свой портрет, —
Ведь полвека я – не меньше —
Изучаю этих женщин,
И сейчас мне – восемьдесят лет.

1964

* * *

Там были генеральши, были жены офицеров
И старшины-сверхсрочника жена.

Там хлопало шампанское, там булькала мадера,
Вину от водки тесно было, водке – от вина.

Прошла пора, чтоб вешаться, прошла пора стреляться,
Пришла пора спокойная – как паиньки сидим.
Сегодня пусть начальницы всю повеселятся,
А завтра мы начальников всю повеселим.

⟨1964⟩

* * *

Есть у всех: у дураков
И у просто жителей
Средь небес и облаков
Ангелы-хранители.

То же имя, что и вам,
Ангелам присвоено:
Если, скажем, я – Иван,
Значит, он – Святой Иван.

У меня есть друг, мозгуем:
Мы с Николкой всё вдвоем —
Мы на пару с ним воруем
И на пару водку пьем.

Я дрожал, а он ходил,
Не дрожа нисколечко, —
Видно, очень Бог любил
Николай Угодничка.

После дня тяжелого,
Ох, завидовал я как:
Твой Святой Никола – во!
Ну а мой Иван – дурак!

Я придумал ход такой,
Чтоб заране причитать:
Мне ж до Бога – далеко,
А ему – рукой подать.

А недавно снилось мне,
И теперь мне кажется:
Николай Угодник – *не*,
А Иван мой – пьяница.

Но вчера патруль накрыл
И меня, и Коленьку —
Видно, мой-то соблазнил
Николай Угодника.

Вот сиди и ожидай —
Вдруг вы протрезвеете.
Хоть пошли бы к Богу в рай —
Это ж вы умеете.

Нет! Надежды нет на вас,
Сами уж отвертимся,
На похмелку пейте квас, —
Мы на вас не сердимся.

⟨1965⟩

* * *

Смех, веселье, радость —
У него все было,
Но, как говорится, жадность
Фраера сгубила...

У него – и то, и се,
А ему – все мало!
Ну, так и накрылось все,
Ничего не стало.

⟨1965⟩

* * *

Сколько павших бойцов полегло вдоль дорог —
Кто считал, кто считал!..

Сообщается в сводках Информбюро
Лишь про то, сколько враг потерял.

Но не думай, что мы обошлись без потерь —
Просто так, просто так...
Видишь – в поле застыл как подстреленный зверь,
Весь в огне, искалеченный танк!

Где ты, Валя Петров? – что за глупый вопрос?
Ты закрыл своим танком брешь.
Ну а в сводках прочтем: враг потери понес,
Ну а мы – на исходный рубеж.

1965

* * *

Вот и кончился процесс,
Не слышать овацию —
Без оваций всё и без
Права на кассацию.

Изругали в пух и прах, —
И статья удобная:
С поражением в правах
И тому подобное.

Посмотреть продукцию:
Что в ней там за трещина,
Контр– ли революция,
Анти– ли советчина?

Но сказали твердо: «Нет!
Чтоб ни грамма гласности!»
Сам все знает Комитет
Нашей Безопасности.

Кто кричит: «Ну то-то же!
Поделом, нахлебники!
Так-то, перевертыши!
Эдак-то, наследники!»

«Жили, – скажут, – татями!
Сколько злобы в бестиях!» —
Прочитав с цитатами
Две статьи в «Известиях».

А кто кинет втихаря
Клич про конституцию,
«Что ж, – друзьям шепнет, – зазря
Мёрли в революцию?!.» —

По парадным, по углам
Чуть повольнодумствуют:
«Снова – к старым временам...» —
И опять пойдут в уют.

А Гуревич говорит:
«Непонятно, кто хитрей?
Как же он – антисемит,
Если друг его – еврей?»

Может быть, он даже был
Мужества немалого!
Шверубович-то сменил
Имя на Качалова...»

Если это, так сказать,
«Злобные пародии», —
Почему бы не издать
Их у нас на Родине?

И на том поставьте крест!
Ишь, умы колышутся!
В лагерях свободных мест
Поискать – отыщутся.

Есть Совет – они сидят, —
Чтоб «сидели» с пользою,
На счету у них лежат
Суммы грандиозные,

Пусть они получают враз —
Крупный куш обломится,
И валютный наш запас

Очень пополнится.

«1966»

* * *

Экспресс Москва-Варшава, тринадцатое место, —
В приметы я не верю – приметы ни при чем:
Ведь я всего до Минска, майор – всего до Бреста,
Толкуем мы с майором, и каждый – о своем.

Я ему про свои неполадки,
Но ему незнакома печаль:
Материально – он в полном порядке,
А морально... Плевать на мораль!

Майор неразговорчив – кончал войну солдатом, —
Но я ему от сердца – и потеплел майор.
Но через час мы оба пошли ругаться матом,
И получился очень конкретный разговор.

Майор чуть-чуть не плакал, что снова уезжает,
Что снова под Берлином еще на целый год:
Ему без этих немцев своих забот хватает, —
Хотя бы воевали, а то – наоборот...

Майор сентиментален – не выдержали нервы:

Жена ведь провожала, – я с нею говорил.
Майор сказал мне после: «Сейчас не сорок первый,
А я – поверишь, парень! – как снова пережил».

1966

* * *

Я – летчик, я – истребитель,
Вылетов шесть на дню.
Хотите, о «мессершмитге»,
О двух «фокке-вульфах» – хотите?...
Ладно, повременю.

Сейчас эскадрилья тяжелых – девятка
Уходит в ночной полет.
Ну а теперь я начну по порядку,
Зачем забегать вперед?

Я ложь отличаю от были —
Положено мне различать.
Мы Брест сегодня отбили.
Вчера же мы Брест бомбили,
А в Бресте – дом мой и мать.

Мы сопровождали тяжелых девятку —
Свои свой же город бомбят!

Но... видите, я не могу по порядку,
Опять забегаю назад.

Теряю я голову редко:
Я – ас, но внизу же Брест!
Один так и содит в отметку!..
Я чуть не нажал на гашетку,
Случайно поймав его в крест.

Но вот отбомбилась тяжелых девятка,
Внизу все, как надо, идет.
Все было, как надо, и скоро посадка,
А я забегаю вперед.

Я – летчик, я – истребитель,
Со мною случилась беда,
Я ночью летал в прикрытье,
Хотите, еще пошлите,
Но – чтобы не знать, куда.

⟨1967⟩

* * *

А меня тут узнают —
Ходят мимо и поют,
За мое здоровье пьют

андоксин.

Я же славы не люблю —
Целый день лежу и сплю,
Спросят: «Что с тобой?» — леплю:
так, мол, сплин.

А ко мне тут пристают:
Почему, мол, ты-то тут,-
Ты ведь был для нас статут
и пример!
Что же им ответить мне? —
Мол, ударился во сне,
Мол, влияние извне,
лик химер...

⟨1967⟩

* * *

Что сегодня мне суды и заседания —
Мчусь галопом, закусивши удила:
У меня приехал друг из Магадана —
Так какие же тут могут быть дела!

Он привез мне про колымскую столицу
небылицы, —
Ох, чего-то порасскажет он под водку

мне в охотку! —
Может, даже прослезится
долгожданная девица —
Комом в горле ей рассказы про Чукотку.

Не начну сегодня нового романа,
Плюнь в лицо от злости – только вытрусь я:
У меня не каждый день из Магадана
Приезжают мои лучшие друзья.

Спросит он меня, конечно, как ребятки, —
всё в порядке! —
И предложит рюмку водки без опаски —
я в завязке.
А потом споем на пару —
ну конечно, дай гитару!
«Две гитары», или нет – две новых сказки.

Не уйду – пускай решит, что прогадала, —
Ну и что же, что она его ждала:
У меня приехал друг из Магадана —
 Попрошу не намекать, – что за дела!

Он приехал не на день – он все успеет, —
он умеет! —
У него на двадцать дней командировка —
 правда,
 ловко?
 Он посмотрит все хоккеи,

поболает, похудеет, —
У него к большому старту подготовка.

Он стихов привез небось – два чемодана, —
Хорошо, что есть кому его встречать!
У меня приехал друг из Магадана, —
Хорошо, что есть откуда приезжать!

1966

* * *

День-деньской я с тобой, за тобой —
Будто только одна забота,
Будто выследил главное что-то —
То, что снимет тоску как рукой.

Это глупо – ведь кто я такой?!
Ждать меня – никакого резона.
Тебе нужен другой и – покой,
А со мной – беспокойно, бессонно.

Сколько лет ходу нет – в чем секрет?
Может, я невезучий – не знаю!
Как бродяга гуляю по маю,
И прохода мне нет от примет.

Может быть, наложили запрет?
Я на каждом шагу спотыкаюсь:
Видно, сколько шагов – столько бед, —
Вот узнаю в чем дело – покаюсь.

Зима 1966/67

* * *

Подымайте руки,
в урны суйте
Бюллетени, даже не читав, —
Помереть от скуки!
Голосуйте,
Только, чур, меня не приплюсуйте:
Я не разделяю ваш устав!

⟨1967⟩

ЗАБЫЛИ

Икона висит у них в левом углу —
Наверно, они молокане, —
Лежит мешковина у них на полу,
Затопанная каблуками.

Кровати да стол – вот и весь их уют, —
И две – в прошлом винные – бочки, —
Я словно попал в инвалидный приют —
Прохожий в крахмальной сорочке.

Мне дали вино – и откуда оно! —
На рубль – два здоровых кувшина, —
А дед – инвалид без зубов и без ног —
Глядел мне просительно в спину.

«Желаю удачи!» – сказал я ему.
«Какая там на хрен удача!»
Мы выпили с ним, посидели в дыму, —
И начал он сразу, и начал!..

«А что, – говорит, – мне дала эта власть
За зубы мои и за ноги!
А дел – до черта, – напиваешься всласть —
И роешь культями дороги.

Эх, были бы ноги – я б больше успел,
Обил бы я больше порогов!
Да толку, я думаю, – дед просипел, —
Да толку б и было немного».

«Что надобно, дед?» – я спросил старика.
«А надобно самую малость:
Чтоб – бог с ним, с ЦК, – но хотя бы ЧК
Судьбою интересовалась...»

⟨1967⟩

* * *

Машины идут, вот еще пронеслась —
Все к цели конечной и четкой,
Быть может, из песни Анчарова – МАЗ,
Груженный каспийской селедкой.

Хожу по дорогам, как нищий с сумой,
С умом экономлю копейку
И силы расходую тоже с умом,
И кутаю крик в телогрейку.

Куда я, зачем? – можно жить, если знать.
И можно – без всякой натуги
Проснуться и встать, если мог бы я спать,
И петь, если б не было вьюги.

⟨1966⟩

* * *

Вы учтите, я раньше был стойком,
Физзарядкой я – систематически...

А теперь ведь я стал параноиком
И морально слабей, и физически.

Стал подвержен я всяким шатаниям —
И в физическом смысле, и в нравственном,
Расшатал свои нервы и знания,
Приходить стали чаще друзья с вином...

До сих пор я на жизнь не сетовал:
Как приказ на работе – так премия.
Но... связался с гражданкою с этой вот,
Обманувшей меня без зазрения.

... Я женился с завидной поспешностью,
Как когда-то на бабушке – дедушка.
Оказалось со всей достоверностью,
Что она была вовсе не девушка.

Я был жалок, как нищий на паперти, —
Ведь она похвалялась невинностью!
В загсе я увидел в ее паспорте
Два замужества вместе с судимостью.

Я мужей ей простил – ох, наивный я,
А она меня – чарами-путами:
Мол, судимости все за невинные
Операции с овоще-фруктами.

И откуда набрался терпенья я,

Когда мать ее – подлая женщина —
Поселилась к нам без приглашения
И сказала: «Так было обещано!»

Они с мамой отдельно обедают,
Им, наверное, очень удобно тут,
И теперь эти женщины требуют
Разделить мою мебель и комнату.

... И надеюсь я на справедливое
И скорейшее ваше решение.
Я не вспыльчивый, и не трусливый я —
И созревший я для преступления!

⟨1967⟩

* * *

Бывало, Пушкина читал всю ночь до зорь я —
Про дуб зеленый и про цепь золотую там.
И вот сейчас я нахожусь у Лукоморья,
Командированный по пушкинским местам.

Мед и пиво предпочел зелью приворотному,
Хоть у Пушкина прочел: «Не попало в рот ему...»

Правда, пиво, как назло,

Горьковато стало,
Все ж не можно, чтоб текло
Прям куда попало!

Работал я на ГЭСах, ТЭСах и каналах,
Я видел всякое, но тут я онемел:
Зеленый дуб, как есть, был весь в инициалах,
А Коля Волков здесь особо преуспел.

И в поэтических горячих моих жилах,
Разгоряченных после чайной донельзя,
Я начал бешено копать в старожилах,
Но, видно, выпала мне горькая стезя.

Лежали банки на невидимой дорожке,
А изб на ножках – здесь не видели таких.
Попались две худые мартовские кошки,
Просил попеть, но результатов никаких.

⟨1967⟩

* * *

Запретили все цари всем царевичам
Строго-настрого ходить по Гуревичам,
К Рабиновичам не смей, то же – к Шифманам, —
Правда, Шифманы нужны лишь для рифмы нам.

В основном же речь идет за Гуревичей —
Царский род ну так и прет к ихней девичьей:
Там три дочки, три сестры, три красавицы —
За царевичей цари опасаются.

И Гуревичи всю жизнь озабочены —
Хоть живьем в гроба ложись из-за доченок!
Не устали бы про них песню петь бы мы,
Но назвали всех троих дочек ведьмами.

И сожгли всех трех – цари – их умеючи, —
И рыдали до зари все царевичи,
Не успел растаять дым от костров еще,
А царевичи пошли к Рабиновичам.

Там три дочки, три сестры, три красавицы —
И опять, опять цари опасаются.
Ну а Шифманы смекнули – и Жмеринку
Вмиг покинули, – махнули в Америку.

1967 или 1968

ЛЕКЦИЯ: СОСТОЯНИЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Не отдавайте в физики детей,

Из них уже не вырастут Эйнштейны,
Сейчас сплошные кризисы идей —
Все физики на редкость безыдейны.

У математиков еще какой-то сдвиг,
Но он у вас не вызовет улыбок,
Ведь сдвиг намечен по теории игр,
А также и по линии ошибок.

«Математики все голову ломают, как замять
грехи,
Кибернетики машины заставляют сочинять
стихи,
А биологи искусственно мечтают про живой
белок,
А филологи все время выясняют, кто такой
был Блок.»

Мы, граждане, привыкли с давних пор,
Что каждая идея – есть идея,
А кто-то там с фамилией Нильс Бор
Сказал, что чем безумней – тем вернее...

Нет, Бор, ты от ответа не уйдешь!
Не стыдно ли ученым называться?
Куда же ты толкаешь молодежь
При помощи таких ассоциаций?!

«Математики все голову ломают, как замять

грехи,
Кибернетики машины заставляют сочинять
стихи,
А биологи искусственно мечтают про живой
белок,
А филологи все время выясняют, кто такой
был Блок.›

Мы все в себе наследственность несем,
Но ведь обидно, до каких же пор так?
Так много наших ген и хромосом
‹Испорчено в пробирках и ретортах!›

Биологи – у них переполох,
Их итальянцы малость обскакали:
Пока «они» у нас растят белок —
Уж те зародыш пестуют в стакане.

‹Математики все голову ломают, как замять
грехи,
Кибернетики машины заставляют сочинять
стихи,
А биологи искусственно мечтают про живой
белок,
А филологи все время выясняют, кто такой
был Блок.›

Реже, меньше ноют раны:
Четверть века – срок большой, —
Но в виски, как в барабаны,
Бьется память, рвется в бой...

Москвичи писали письма,
Что Москвы врагу не взять.
Наконец разобрались мы,
Что назад уже нельзя.

Нашу почту почтальоны
Доставляли через час, —
Слишком быстро – лучше б годы
Эти письма шли от нас!

Мы как женщин боя ждали,
Врывшись в землю и снега, —
И виновных не искали,
Кроме общего врага.

И не находили места —
Ну скорее, хоть в штыки! —
Отступавшие от Бреста
И сибирские полки.

Ждали часа, ждали мига
Наступленья столько дней! —
Чтоб потом писали в книгах:
«Беспримерно, по своей...»

По своей громадной вере,
По желанью отомстить,
По таким своим потерям,
Что ни вспомнить, ни забыть.

Кто остался с похоронной —
Прочитал: «Ваш муж, наш друг...»
Долго будут по вагонам —
Кто без ног, а кто без рук.

Чем и как, с каких позиций
Оправдаешь тот поход —
Почему мы от границы
Шли назад, а не вперед?

Может быть, считать маневром
(Был в истории такой), —
Только лучше б в сорок первом
Нам не драться под Москвой!

... Помогите, хоть немного,
Оторвите от жены!
Дай вам бог поверить в бога —

Если это бог войны!

«До 1968»

* * *

Хоть нас в наш век ничем не удивить,
Но к этому мы были не готовы, —
Дельфины научились говорить!
И первой фразой было: «Люди, что вы!»

Ученые схватились за главы,
Воскликнули: «А ну-ка, повторите!»
И снова то же: «Люди, что же вы!»
И дальше: «Люди, что же вы творите!»

Вам скоро не пожать своих плодов.
Ну, мы найдем какое избавленье... —
Но ведь у вас есть зуб на муравьев,
И комары у вас на подозренье...»

Сам Лилли в воду спрятал все концы,
Но в прессе – крик про мрачные картинны,
Что есть среди дельфинов мудрецы,
А есть среди дельфинов хунвейбины.

Вчера я выпил небольшой графин

И, видит бог, на миг свой пост покинул.
И вот один отъявленный дельфин
Вскричал: «Долой общение!» – и сгинул.

Когда ж другой дельфин догнал того
И убеждал отречься от крамолы —
Он ренегатом обозвал его
И в довершение крикнул: «Бык комолый!»

⟨1968⟩

* * *

На острове необитаемом
Тропинки все оттаяли,
Идешь – кругом проталины,
И нету дикарей.
Пришел корвет трехпалубный,
Потрепанный и жалобный.
Команда закричала б: «Мы
Остались поскорей!»

Тут началась истерика:
«Да что вам здесь – Америка?»
Корвет вблизи от берега
На рифы налетел.
И попугая спящего,

Ужасно говорящего,
Усталого, ледащего
Тряхнуло между дел.

Сказали – не поверил бы:
Погибли кости с черепом,
А попугай под берегом
Нашел чудной вигвам.
Но он там, тем не менее,
Собрал все население
И начал обучение
Ужаснейшим словам.

Писать учились углями,
Всегда – словами грубыми,
И вскорости над джунглями
Раздался жуткий вой.
Слова все были зычные,
Сугубо неприличные,
А попугай обычно им:
«А ну-ка, все за мной!»

⟨1968⟩

* * *

Все было не так, как хотелось вначале,

Хоть было все как у людей,
Но вот почему-то подолгу молчали,
И песни для них по-другому звучали,
Но, может, не надо, им так тяжелей...
И нужно чуть-чуть веселей.
Ну пожалуйста!

Нам так хорошо, но куда интересней,
Когда все не так хорошо,
И люди придумали грустные песни,
Со мной ей не скучно, не скучно и мне с ней,
И любят, и хвалят их – песни с душой:
«Пожалуйста, спойте еще!
Ну пожалуйста!»

Со Средневековья подобных идиллий
Не видел никто из людей:
Они друг без друга в кино не ходили,
Они друг у друга часы подводили —
Хитрили, чтоб встретиться им поскорей.
Не верите? Что? Для детей?
Ну пожалуйста!

⟨1968⟩

* * *

Где-то там на озере
На новеньком бульдозере
Весь в комбинезоне и в пыли —
Вкалывал он до зари,
Считал, что черви – козыри,
Из грунта выколачивал рубли.

Родственники, братья ли —
Артельщики, старатели, —
Общие задачи, харч и цель.
Кстати ли, некстати ли —
Но план и показатели
Не каждому идут, а на артель.

Говорили старожилы,
Что кругом такие жилы! —
Нападешь на крупный куст
Хватит и на зубы, и на бюст.

Как-то перед зорькою,
Когда все пили горькую,
В головы ударили пары, —
Ведомый пьяной мордою,
Бульдозер ткнулся в твердую
Глыбу весом в тонны полторы.

Как увидел яму-то —
Так и ахнул прямо там, —
Втихаря хотел – да не с руки:

Вот уж вспомнил маму-то!..
Кликнул всех – вот сраму-то! —
Сразу замелькали кулаки.

Как вступили в спор чины —
Все дела испорчены:
«Ты, юнец, – Фернандо де Кортес!»
Через час все скорчены,
Челюсти попорчены,
Бюсты переломаны вконец.

1968

* * *

У Доски, где почетные граждане,
Я стоял больше часа однажды и
Вещи слышал там – очень важные.

«... В самом ихнем тылу,
Под какой-то дырой,
Мы лежали в пыли
Да над самой горой, —

На природе, как в песне – на лоне,
И они у нас как на ладони, —
Я и друг – тот, с которым зимой

Из Сибири сошлись под Москвой.

Раньше оба мы были охотники —
А теперь на нас ватные потники
Да протертые подлокотники!

Я в Сибири всего
Только соболя бил, —
Ну а друг – он того —
На медведя ходил.

Он колпашевский – тоже берлога! —
Ну а я из Выезжего Лога.
И еще (если друг не хитрит):
Белку – в глаз, да в любой, говорит...

Разговор у нас с немцем двухствольчатый:
Кто шевелится – тот и кончатый, —
Будь он лапчатый, перепончатый!

Только спорить любил
Мой сибирский дружок —
Он во всем находил
Свой, невидимый прок, —

Оторвался на миг от прицела
И сказал: «Это мертвое тело —
Бьюсь на пачку махорки с тобой!»
Я взглянул – говорю: «Нет – живой!»

Ты его лучше пулей попотчевай.
Я опричь того ставлю хошь чего —
Он усидчивый да улёжчивый!»

Друг от счастья завыл —
Он уверен в себе:
На медведя ходил
Где-то в ихней тайге, —

Он аж вскрикнул (негромко, конечно,
Потому что – светло, не кромешно),
Поглядел еще раз на овраг —
И сказал, что я лапоть и враг.

И еще заявил, что икра у них!
И вообще, мол, любого добра у них!..
И – позарился на мой браунинг.

Я тот браунинг взял
После ходки одной:
Фрица, значит, подмял,
А потом – за спиной...

И за этот мой подвиг геройский
Подарил сам майор Коханойский
Этот браунинг – тот, что со мной,
Он уж очень мне был дорогой!

Но он только на это позарился.
Я и парился, и мытарился...
Если б знал он, как я отоварился!

Я сначала: «Не дам,
Не поддамся тебе!»
А потом: «По рукам!» —
И аж плюнул в злобе.

Ведь не вещи <же> – ценные в споре!
Мы сошлись на таком договоре:
Значит, я прикрываю, а тот —
Во весь рост на секунду встает...

Мы еще пять минут погутарили —
По рукам, как положено, вдарили, —
Вроде на́ поле – на базаре ли!

Шепчет он: «Коль меня
И в натуре убьют —
Значит, здесь схоронят,
И – чего еще тут...»

Поглядел еще раз вдоль дороги —
И шагнул, как медведь из берлоги, —
И хотя уже стало светло —
Видел я, как сверкнуло стекло.

Я нажал – выстрел был первосортненький,

Хотя «соболь» попался мне вёртнёнький.
А у ног моих – уже мёртвёнький...

Что теперь и наган мне —
Не им воевать.
Но свалился к ногам мне —
Забыл, как и звать, —

На природе, как в песне – на лоне.
И они у нас как на ладони.
... Я потом разговор вспоминал:
Может, правда – он белок стрелял?...

Вот всю жизнь и кручусь я как верченый.
На Доске меня это‹й› зачерчивай!
... Эх, зачем он был недоверчивый!›

⟨1968⟩

* * *

Угадаешь ли сегодня, елки-палки,
Что засядет нам назавтра в черепа?!
Я, к примеру, собираю зажигалки,
Ну а Севка – начал мучать черепах.

Друг мой Колька увлекается Ириной,

Друг мой Юрка бредит верховой ездой,
Друг мой Витька дни проводит под машиной,
Друг мой Левка летом ходит с бородой.

Если я задурю, захандрю —
Зажигалки я вмиг раздарю,
Или выбросить просто могу,
Или одновременно зажгу.

«1968»

* * *

Как тесто на дрожжах, растут рекорды,
И в перспективе близкой, может быть,
Боксеры разобьют друг другу морды,
И скоро будет не по чему бить.

Прыгун в длину упрыгнет за границу,
А тот, кто будет прыгать в высоту, —
Взлетит – и никогда не приземлится,
Попав в «ТУ-104» на лету.

Возможности спортсмена безграничны,
И футболисты – даже на жаре —
Так станут гармоничны и тактичны,
Что все голы забьют в одной игре.

Сейчас за положение вне игры – жмут,
А будет: тот, кто вне, тот – молодец,
Штангисты вырвут, вытолкнут и выжмут
Всю сталь, «чугун», железо и «свинец».
Сольются вместе финиши и старты,
Болельщикам задышится легко,
Любители азарта сядут в карты,
Стремясь набрать заветное «очко».

И враз и навсегда поставят маты
Друг другу все гроссмейстеры в момент,
А судьи подадутся в адвокаты, —
Любой экс-чемпион для них клиент.

⟨1968⟩

* * *

Парад-алле! Не видно кресел, мест!
Оркестр шпарил марш – и вдруг,
весь в черном,
Эффектно появился шпрыхсталмейстр
И крикнул о сегодняшнем коверном.

Вот на манеже мощный черный слон, —
Он показал им свой нерусский норов.

Я раньше был уверен, будто он —
Главою у зверей и у жонглеров...

Я был не прав: с ним шел холуй с кнутом —
Кормил его, ласкал, лез целоваться
И на ухо шептал ему... О чем?!
В слоне я сразу начал сомневаться.

Потом слон сделал что-то вроде па —
С презреньем, и увéден был куда-то.
И всякая полезла шантрапа —
В лице людей, певиц и акробатов...

Вот выскочили трое молодцов —
Одновременно всех подвергли мукам, —
Но вышел мужичок, из наглецов,
И их убрал со сцены ловким трюком.

Потом, когда там кто-то выжимал
Людей ногами, грудью и руками, —
Тот мужичок весь цирк увеселял
Какой-то непонятностью с шарами.

Он все за что-то брался, что-то клал,
Хватал за все, — я понял: вот работа!
Весь трюк был в том, что он не то хватал —
Наверное, высмеивал кого-то!

Убрал его — он был навеселе, —

Арену занял сонм эквилибристов...
Ну всё, пора кончать парад-алле
Коверных! Дайте туш – даешь артистов!

«Между 1967 и 1969»

* * *

Я лежу в изоляторе —
Здесь кругом резонаторы, —
Если что-то случается —
Тут же врач появляется.

Здесь врачи – узурпаторы,
Злые как аллигаторы.
Персонал – то есть нянечки —
Запирают в предбанничке.

Что мне север, экваторы,
Что мне бабы-новаторы —
Если в нашем предбанничке
Так свирепствуют нянечки!

Санитары – как авторы, —
Хоть не бегай в театры вы! —
Бьют и вяжут, как веники, —
Правда, мы – шизофреники.

У них лапы косматые,
У них рожи усатые,
И бутылки початые,
Но от нас их попрятали.

«Между 1967 и 1969»

* * *

У меня долги перед друзьями,
А у них зато – передо мной, —
Но своими странными делами
И они чудят, и я чудной.

Напишите мне письма, ребята,
Подарите мне пару минут —
А не то моя жизнь будет смята
И про вас меньше песен споют.

Вы мосты не жгите за собою,
Вы не рушьте карточных домов, —
Бог с ними совсем, кто рвется к бою
Просто из-за женщин и долгов!

Напишите мне письма, ребята,
Осчастливьте меня хоть чуть-чуть, —

А не то я умру без зарплаты,
Не успев вашей ласки хлебнуть.

⟨1969⟩

* * *

Граждане! Зачем толкаетесь,
На скандал и ссору нарываетесь —
Сесть хотите? дальняя дорога?...
Я вам уступлю, ради бога!

Граждане, даже пьяные,
Все мы – пассажиры постоянные
Все живем, билеты отрываем,
Все – по жизни едем трамваем...

Тесно вам? И зря ругаетесь —
Почему вперед не продвигаетесь?
Каши с вами, видимо, не сварить...
Никакой я вам не товарищ!

Ноги все прокопытили,
Вон уже дыра в кулак на кителе.
Разбудите этого мужчину —
Он во сне поет матерщину.

Граждане! Жизнь кончается —
Третий круг сойти не получается!
«С вас, товарищ, штраф – рассчитайтесь!..
Нет? Тогда – еще покатайтесь...»

«Между 1967 и 1969»

* * *

Я уверен как ни разу в жизни,
Это точно,
Что в моем здоровом организме —
Червоточина.

Может, мой никчемный орган – плевра
Может – многие, —
Но лежу я в отделенье невро-
Патологии.

Выдам то, что держится в секрете,
Но – наверное,
Наше населенье на две трети —
Люди нервные.

Эврика! Нашел – вот признак первый,
Мной замеченный:
Те, кто пьют, – у них сплошные нервы

Вместо печени.

Высох ты и бесподобно жилист,
Словно мумия, —
Знай, что твои нервы обнажились
До безумия.

Если ты ругаешь даже тихих
Или ссоришься —
Знай, что эти люди – тоже психи, —
Ох, напорешься!

1969

* * *

Слухи по России верховодят
И со сплетней в терцию поют.
Ну а где-то рядом с ними ходит
Правда, на которую плюют.

⟨1969⟩

* * *

Посмотришь – сразу скажешь: это кит,

А вот дельфин – любитель игр и танцев.
Лицо же человека состоит
Из глаз и незначительных нюансов.

Там: ухо, рот и нос,
Вид и цвет волос,
Челюсть – что в ней – сила или тупость?
Да! Еще вот – лоб,
Чтоб понять без проб:
Этот лоб – с намеком на преступность.

В чужой беде нам разбираться лень:
Дельфин зарезан, и киту несладко.
Не верь, что кто-то там на вид – тюлень, —
Взгляни в глаза – в них, может быть, касатка!

Вот череп на износ —
Нет на нем волос...
Правда, он медлителен, как филин,
А лицо его —
Уши с головой,
С небольшим количеством извилин.

Сегодня оглянулся я назад —
Труба калейдоскопа завертелась, —
Я вспомнил все глаза и каждый взгляд —
И мне пожить вторично захотелось.

Видел я носы,

Бритых и усы,
Щеки, губы, шеи – всё как надо;
Нёба, языки,
Зубы как клыки —
И ни одного прямого взгляда.

Не относя сюда своих друзей,
Своих любимых не подозревая,
Привязанности все я сдам в музей, —
Так будет, если вывезет кривая.

Пусть врет экскурсовод:
«Благородный рот,
Волевой квадратный подбородок...»
Это всё не жизнь —
Это муляжи,
Вплоть до носовых перегородок.

Пусть переводит импозантный гид
Про типы древних римлян и германцев, —
Не знает гид: лицо-то состоит
Из глаз и незначительных нюансов.

1969

* * *

Как-то раз, цитаты Мао прочитав,
Вышли к нам они с большим его портретом.
Мы тогда чуть-чуть нарушили устав...
Остальное вам известно по газетам.

Вспомнилась песня, вспомнился стих —
Словно шепнули мне в ухо:
«Сталин и Мао слушают их», —
Вот почему заваруха.

При поддержке минометного огня
Молча, медленно, как будто на охоту,
Рать китайская бежала на меня, —
Позже выяснилось – численностью в роту.

Вспомнилась песня, вспомнился стих —
Словно шепнули мне в ухо:
«Сталин и Мао слушают их», —
Вот почему заваруха.

Раньше – локти кусать, но не стрелять,
Лучше дома пить сгущенное какао, —
Но сегодня приказали – не пускать, —
Теперь вам шиш – но пасаран, товарищ Мао!

Вспомнилась песня, вспомнился стих —
Словно шепнули мне в ухо:
«Сталин и Мао слушают их», —
Вот почему заваруха.

Раньше я стрелял с колена – на бегу, —
Не привык я просто к медленным решеньям.
Раньше я стрелял по мнимому врагу,
А теперь придется – по живым мишеням.

Вспомнилась песня, вспомнился стих —
Словно шепнули мне в ухо,
«Сталин и Мао слушают их», —
Вот почему заваруха.

Мины падают, и рота так и прет —
Кто как может – по воде, не зная броду...
Что обидно – этот самый миномет
Подарили *мы* китайскому народу.

Вспомнилась песня, вспомнился стих —
Словно шепнули мне в ухо:
«Сталин и Мао слушают их», —
Вот почему заваруха.

Он давно – великий кормчий – вылезал,
А теперь, не успокоившись на этом,
Наши братья залегли – и дали залп...
Остальное вам известно по газетам.

Маринка, слушай, милая Маринка,
Кровиночка моя и половинка, —
Ведь если разорвать, то – рупь за сто —
Вторая будет совершать не то!

Маринка, слушай, милая Маринка,
Прекрасная, как детская картинка!
Ну кто сейчас ответит – что есть то?
Ты, только ты, ты можешь – и никто!

Маринка, слушай, милая Маринка,
Далекая, как в сказке Метерлинка,
Ты – птица моя синяя вдали, —
Вот только жаль – ее в раю нашли!

Маринка, слушай, милая Маринка,
Загадочная, как жилище инка,
Идем со мной! Куда-нибудь, идем, —
Мне все равно куда, но мы найдем!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.